

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Они просто разминулись на улице — поравнялись и прошли каждая в свою сторону. Вернее, одна из них несла свое юное лицо навстречу ветру и не заметила другую. А Сима почему-то засмотрелась на девочку с пепельными волосами, не слишком длинными, не слишком густыми, но не вызывающими жалости, как обычно случается со всем, что «не слишком». Эти волосы были дымчатыми и клубились по ветру осенним дыханием, прозрачным и легким. Девочка шла, чуть приподняв тонкое личико — не из гордости (хотя ее тоже хоть отбавляй в четырнадцать лет), а чтобы и шею, тоненькую шейку ее тоже невинно ласкал ветер. И Сима своей уже не слишком, прямо скажем, младенческой кожей почувствовала ее наслаждение, от которого сердце так и заходит.

Мгновенно вспомнилось — даже не мозг подсказал, а тело, оказывается, сохранившее ощущения, — как она сама в свои подростковые «...надцать» стремилась использовать любую возможность, чтобы вот

так же броситься бегом навстречу ветру, воображая, будто обретает волю вольную и может, как цыганка, скитаться по свету, который Симе хотелось увидеть весь, целиком, с самыми заброшенными уголочками, в которых есть своя прелесть, непонятная жителям столиц. Обойти его пешком, трогая нагретые, неровные камни мостовых, пересыпая из ладони в ладонь легкий песок, втягивая аромат картинно-красивых цветов скошенной травы. И все время чувствовать кожей морской ветер, так же подставлять ему лицо, чтобы сгладил первые морщины, освежил...

И это немного надуманное совпадение с девочкой заставило Симу выкрикнуть:

— Девушка, подождите!

Но девочка не оглянулась. Возможно, просто никто до сих пор не называл ее девушкой, и она не сообразила, что обращаются к ней. А может быть, то, что сейчас нарастало, вскипало у нее внутри, обдавая волнением неокрепшее сердце, было настолько важнее всего внешнего — звуков, запахов, людских лиц, — что грех было и отвлекаться на них.

— Подождите же, девушка!

Рукав простенькой джинсовочки в первый момент показался пустым — такой тоненькой была ее ручка. Сима быстро разжала пальцы, как будто птенчика побоялась раздавить. В глазах девочки мелькнула настоуженность: что это за странная женщина с прической из вороньих перьев, с маленькой татуировкой на левом предплечье, одетая в нечто напоминающее обычную мужскую майку черного цвета, заправленную в джинсы?

— Да?

— Извините, если я вас напугала, — заторопилась Сима, стараясь произносить слова с той невесо-

ДЕВОЧКИ МОИ

стью, которая должна была успокоить. — Я просто увидела ваше лицо и поняла, что именно вы мне нужны. Для роли. Я — режиссер молодежного театра «Версия». Это не любительский театр, но многие ребята из театральной студии у нас уже заняты в спектаклях. Вы были на наших спектаклях?

На загоревших за лето щеках вспыхнули пятна:

— Я... Я еще не успела. Мы недавно переехали в этот город.

— Серьезно? И откуда же? — Сима давно уже позволяла себе быть бесцеремонной, когда ее что-то действительно интересовало.

— Из Москвы.

Это прозвучало с некоторым вызовом, словно покинуть столицу уже значило объявить себя пораженцем, неудачником.

«В общем-то, так и есть, — наспех согласилась Сима. — Россия ведь страна одного города, и если ты хочешь настоящего успеха, то покорять нужно именно Москву».

Решив на время закрыть эту тему, чтобы девочка не сбежала прямо сейчас, она опять заговорила о спектакле, который еще только собиралась ставить, хотя вынашивала дольше, чем двух своих дочерей, вместе взятых.

— Я нашла для нашего театра одну пьесу... Современную, и как раз о подростках. Там есть роли и для взрослых актеров, но главную должна исполнять девочка... девушка вашего возраста. Но никого из наших ребят я в этой роли не вижу.

— Я никогда не играла в театре...

— Я понимаю! И не собираюсь прямо сейчас выпускать вас на сцену. Но я предлагаю вам попробовать. Как вы?

И заверила, не дожидаясь ответа:

— Если я увижу, что у вас ничего не выходит и нет ни малейшей надежды научить, то оставлю вас в покое, обещаю. Кстати, меня зовут Симой. Сима, — еще раз повторила она, чтобы девочка не переспрашивала, как это бывало обычно. — Довольно редкое имя — родители постарались. Зато меня ни с кем не путают. Только, умоляю, Серафимой не называйте, этого я не терплю! Отчество в нашем общении не потребуется, а фамилия моя Матроскин, — протянула Сима незабвенным голосом Табакова и тут же вернула свой, немного резкий, звонкий, словно невидимая птица выкрикивала за нее. — Шучу. Лобанова. Это чтобы вы могли проверить мое досье через своего папу-полицейского.

Взгляд девочки кольнул остро, улыбки как не бывало:

— С чего вы взяли, что мой папа — полицейский?

— Да это так — предположение! Вы такая строгая девушка... Все по правилам?

— Вовсе нет! В нашей семье не так уж много правил. А папа у меня доктор. Педиатр.

Ненужной заинтересованности Сима изображать не стала, спросила нетерпеливо:

— Так что, вы согласны попробоваться? Да как же вас зовут-то, в конце концов?!

— Наташа Лукьянцева, — произнесла она тем застенчивым тоном, каким в начале пьесы и должна была говорить ее героиня.

Сима так и вцепилась в ее рукав, уже не вспомнив про того беззащитного птенчика, что померещился внутри:

— Вот! Именно так! Наташенька, я ведь просто не отпущу вас. У вас ведь Гелин взгляд...

ДЕВОЧКИ МОИ

— Чей?

— Гели, героини, которую я вам сватаю. Это очень интересный персонаж. Надломленная судьбой, но не скисшая. И другим не дает сдаться. Вы очень похожи на нее, Наташа. И слова вы выговариваете в точности как она.

Чуть наклонив голову вправо («Гелин жест!»), Наташа спросила с любопытством:

— А откуда вы знаете, как она выговаривает слова? Там ремарка есть? Или это вы так представляете?

— О! — Сима даже отступила, пораженная. — Вам известно даже слово «ремарка»? Вы читаете пьесы?

— Если честно, только Чехова.

— Это уже немало. Может быть, бессознательно вы готовились к нашей встрече?

— Кто может знать, к чему готовит его подсознание?

«А непростая девочка, — отметила Сима с удовольствием. — Очень непростая».

Ей нравилось работать с личностями, колоться об их шипы, спорить с ними. Даже орать приходилось, а как же? Подростки же. Иногда необходимо напоминать им, кто в доме хозяин... Но с послушными детьми Симе становилось скучно. Они напоминали ей комнатные растения: польешь — выживут, не польешь — засохнут. Сами жизни не отвоюют. Не то что дикие колючие кустарники, которые на любом, самом немыслимом склоне зацепятся, вопьются корнями, отыщут необходимые им соки в самой песчаной почве, и выживут, выживут...

— И об этом мы тоже поговорим подробнее, — промурлыкала Сима, жмурясь от радости: нашла Гелю, на улице встретила, надо же! — Когда вы сможете к нам

прийти? Чем вы вообще занимаетесь, кроме того, что читаете Чехова?

Опять проявились горячие пятна на щеках:

— Вообще-то я его не так уж часто читаю... Я все больше в Сети...

— Ну, это нормально. Сейчас все девочки, как Русалочки — сетью опутанные. Ножки не болят?

Облегчение сделало Наташин смех особенно легким:

— Нет, ходить-то я еще не разучилась!

— Сейчас домой?

— Уроки надо сделать...

— А потом? У нас в шесть репетиция. Приходите, Геля... То есть Наташа. Видите? Вы для меня уже Геля! Так что не отвертеться вам, девушка... Вот вам моя визитка, там есть адрес. Это недалеко. В нашем городе понятие «далеко» вообще отсутствует.

— Я уже поняла. — Наташа опустила глаза на карточку. — Я даже знаю, где эта улица, там одна девочка из нашего класса живет.

— Ну и прекрасно. Погодите! У меня же диск с текстом пьесы с собой есть. — Сима чуть не с головой нырнула в объемистую сумку, забитую всякой всячиной, которая могла понадобиться в любую секунду. — Держите. Уроки, конечно, надо сделать, но, может, и на пьесу времени хватит?

Она уже собралась бежать, переключившись мыслями на других актеров, мальчишек, которых нужно было вытащить из лап полицейского инспектора («Окно разбили, подумаешь! Ну, спяну... С кем не бывает в пятнадцать-то лет?»), когда Наташа окликнула ее:

— Сима, а вы можете говорить мне «ты»? Пожалуйста. А то очень непривычно.

ДЕВОЧКИ МОИ

* * *

Девочка придет на репетицию, в этом Сима даже не сомневалась. Настолько не сомневалась, что тут же забыла о Наташе Лукьянцевой, как об уже взятой вершине, не такой уж и поднебесной, если говорить начистоту. Еще неизвестно, как покажет себя это создание, что за тайное сокровище принесет в своей душе... Пустышки, обманки уже встречались не раз, и потому Сима каждый раз ругала себя последними словами, которых знала достаточно, за то, что опять вцепилась в кого-то на улице, мимолетно влюбившись во взгляд, в поворот головы, в намек улыбки. А не возникнет тайной связи режиссер—актер на уровне биения сердца и рождения мысли, и ничего не будет — ни спектакля, ни слез в зале, ни смеха. Поэтому совершенно запретить себе впускать в душу искры, высекаемые соприкосновением взглядов, Сима не могла. Это было равносильно самоубийству себя как профессионала. Что осталось бы в ней тогда? Одиночество одинокой одиночки. Вакуум.

Замедлив шаг возле столиков летнего кафе, которые еще не убрали, потому что весь сентябрь был настоящим бабьим летом, Сима посомневалась не дольше трех секунд, взглянула на часы: «Успеваю!» — и присела за свободный. Лицом к реке села, чтобы чувствовать тот оживляющий ветер, который ловила Наташа Лукьянцева. Но Сима это сделала, не вспомнив о девочке, как будто инстинктивно переняла понравившееся. К тому же это напоминало ее саму, двадцатилетней давности... Лучше ли она была тогда? Цинизма в ней не было, это помнится. Хотя и поросычьей восторженности вроде бы тоже. Достаточно здравомыслящая была девочка... Глупее была, это наверняка.

Трусливее. Даже подумать не решалась всерьез, что можно стать режиссером театра, хоть и маленького и в глуши, но все же... Их «Версия» не совсем безвестна, Сима уже лет пять вывозит свою труппу на фестивали, их даже хвалят в прессе и дают дипломы. Это радует, конечно, особенно ребят. Вот только не получается отделаться от липкого ощущения, что ты всего лишь наложница из гарема, которую на четверть часа удостоили всемиловейшего внимания, чтобы потом забыть еще на год...

— Кофе, пожалуйста, — сказала она подошедшей официантке, откровенно новенькой, изо всех сил старающейся каждой улыбкой.

— Вам какой? — Перед Симой возникло меню — узкая длинная картонка. — У нас, видите, сколько всего!

«Господи, она и двух дней здесь не продержится. — Сима удержала вздох и послушно ткнула пальцем напротив самой высокой цены, чтобы порадовать бедняжку напоследок. — Или они все тут ведут себя как начинающие купчики, слегка ошалевшие от первых денег?»

В памяти неожиданно возник слепок разлапистых лосиных рогов, висевших в передней бабушкиной квартиры. Почему вдруг вспомнились эти рога? Официантка слишком похожа на туповатую, хотя и безобидную коровку, которая наслаждается сочной травкой и не подозревает, что скоро отправится на бойню? Но рога-то не коровьи были. Признак дореволюционной роскоши — так их воспринимала маленькая Сима. На лосиных рогах висели плащи, и она воображала, что в полумраке этого уголка таятся картины прошлой жизни. Той, которую даже ее бабушка, родившаяся в семнадцатом, не застала. Так явственно шуршали шелка, обдавая грустными запахами, кто-то

требовал нетерпеливо: «Будь любезен, мою крылатку!» — и даже дети повизгивали как-то особенно...

Сима усмехнулась, затянувшись сигаретой. Какой дурехой была, боже мой... Сейчас меха и кринолины ее сердце не трогали, исторических, костюмных пьес их театр не из бедности не ставил, а потому, что Симе был интересен сегодняшний день. И та пьеса, которой она болела сейчас, была о ребятах, практически живших в ее театре. По крайней мере, многие узнали в героях себя, и Сима надеялась, что и Наташа увидит в Геле свое отражение. Тоже ведь девочка себе на уме.

«Что за семья у нее? — получив наконец свой кофе, попыталась представить Сима. — Коммерсанты-лохи, сбежавшие от кредиторов? Что еще, кроме пистолета у виска, может заставить человека уехать из Москвы? Мне бы только перебраться туда... Надо бы по-быстрому навести справки об этих Лукьянцевых... Хотя — зачем? Девочка-то хороша вне зависимости от мамы-папы. Если еще и осилит сцену...»

— Кофе совершенно дрянной, — пробормотала она, подавив желание выкрикнуть это так, чтобы услышали на кухне.

И чуть не подавилась, заметив знакомый взгляд поверх опущенного стекла.

— Ну, выходи уж! — сказала Сима резко. — Оставь своего драгоценного «мерина» попасться.

Окно в светлом «Мерседесе» закрылось, но следом распахнулась дверь, выпустив стройную ножку.

«Насмотрелись американского дерьма, — отметила Сима мрачно. — Научились выходить красиво. А на то, что Голливуд методично четвертует искусство, всем плевать! Таким, как она, — плевать».

— Здравствуй, Сима!

Ангелина только что по струнке перед ней не вытянулась, даже присесть без разрешения не решалась. Короткое узкое платье кремового цвета, «лодочки» ему в тон, узкие, «хищные» солнцезащитные очки, которые Ангелина уже сняла и вертела в руке... Все очень стильно и ей идет. Позволив взгляду медленно проползти снизу вверх, Сима вынужденно признала, что девочка все так же хороша, как и в те дни, когда на нее смотрели из зрительного зала, — изящная, гибкая, да еще и дорого выглядит.

«Рано продалась, зато за хорошие деньги», — она не произнесла этого вслух. Не требовалось. Ангелина Полтавцева всегда улавливала любую ее мысль. Самая восприимчивая из ее актрис. Самая талантливая. Ее могло ожидать блестящее будущее... Но она захотела все быстро и сразу.

— Садись. — Сима толкнула ногой стул, Ангелина успела поймать. — Как это ты оказалась среди нас, смертных?

— Думаешь, я больше не хожу по улицам?

Едва не поморщившись, Сима в который раз пожалела о том, как сглупила однажды, позволив этой девочке обращаться к ней на «ты». Тогда Ангелина была затюканным чересчур уж религиозными родителями, а еще больше бабушкой, ребенком. Ей необходим был взрослый, которого она приняла бы как родного человека. И Сима от безысходности, одурманенная жадной вновь обрести все радости материнства, распахнула ей объятия. Ангелина же невероятно быстро расправила свои слабые крылышки...

— Честно? — Сима поймала лицом новый порыв ветра, чтобы напитаться его куражом. — Я вообще о тебе не думаю. У меня в голове только мой театр, ты же знаешь.

ДЕВОЧКИ МОИ

— Я знаю.

— Тебя в нем больше нет.

— Ты же в курсе, Вахтанг поставил условие...

— Только, ради бога, не надо оправдываться! Ты все это мне уже объясняла...

— И ты тоже поставила условие... Чтобы я больше никогда не появлялась в театре.

— Надо было сказать, чтоб ты никогда не показывалась мне на глаза...

— Но почему? — Ангелина подалась вперед, навалилась заметно увеличившейся грудью на столик. Симе показалось, будто раздался силиконовый скрип.

— Ты сделала свой выбор. Вот живи теперь и радуйся.

— Я могла бы уговорить Вахтанга спонсировать...

Сима резко отодвинула опустевшую чашку:

— Вот только этого не надо! Я грязных денег не беру.

— Да что ты? — Ангелина откинулась на спинку стула, мгновенно скопировав ее же манеру язвить. — С каких это пор? Ты же всегда твердила, что ради своего театра на любой компромисс готова пойти!

«А вот теперь улыбнуться и ответить абсолютно спокойно!»

— Так и есть. Но речь все-таки шла об отношениях с богатыми людьми...

— В смысле? — Теревившие край меню пальцы замерли.

— А не с обезьянами-воришками. Ты при дневном свете своего Вахтанга видела? Или он тебя только в темноте...

— Перестань! — Ангелина выкрикнула это с отчаянием Герды, роль которой лет пять назад стала для нее первой, но, видимо, не запала в душу, не убеди-

ла, что от холода и одиночества может спасти только любовь.

Не поясняя, Сима пробормотала:

— Теперь пытаешься сыграть Кая?

Пунцовые губы дернулись, искривились, будто кто-то смял цветок. Сима не без злорадства отметила: девочка сразу поняла, о чем речь. А может, и сама об этом думала, ежась в ледяном дворце мандаринового магната.

— Оно того стоило? — Сима посмотрела поверх ее плеча на «Мерседес». — Машинка, конечно, хороша, ничего не скажешь. Ты о ней думаешь, когда он возится на тебе?

— Сима! Не надо так...

— А о чем нам тогда разговаривать?

В прозрачных озерных глазах, сохранивших, как ни странно, наивное выражение, робость:

— Расскажи мне, что вы сейчас ставите?

— Пьесу Потапова.

Ангелина отпрянула:

— Какую? Ту самую? «Что такое палисадник?»

— Еще помнишь?

— А кто играет Гелю? Это же я должна была сыграть ее! Я уже всю роль выучила. Да я даже не учила ее, она просто вошла в меня, как... Не знаю, как что. Как будто я вдохнула эту Гелю, и она поселилась во мне.

Сима безжалостно проронила:

— Я нашла девочку на эту роль.

— Что за девочка?

— Новенькая, ты ее не знаешь. А свои претензии оставь, пожалуйста. Ты больше не в труппе, так что не закатывай истерик.

ДЕВОЧКИ МОИ

— Но ты же говорила, что я просто создана для этой роли!

— Была. Опомнитесь, девушка, вам уже сколько? Восемнадцать? А Геле — пятнадцать. Старовата ты, мать, для этой роли.

Волосы у Ангелины были такими густыми — пробор не просвечивал. Этот цвет называют темно-русый, у Наташи Лукьянцевой такой же, хотя у той, конечно, жиденькие в сравнении... Сима подумала с беспокойством: «Главное, чтоб она сама не показалась жидковатой в сравнении с этой... Ангелина чудно сыграла бы Гелю. Она и была этой Гелей. Только финал для своей пьесы другой выбрала».

Затягивая паузу, Сима смотрела на ее опущенную голову, прекрасно понимая, что сейчас творится в душе девочки, но ничуть не жалея ее. Продалась дьяволу, учись терпеть, как душу рвут демоны. Безнаказанно такие сделки не проходят. Она ведь понимала это. Любой дурак понимает.

— Мне пора, — сказала она, так и не выразив сочувствия. Ангелина же догадывалась, что его не было, к чему играть? Они слишком хорошо знают друг друга, чтобы попасться на притворство.

Забавляясь, ветер забросил волосы на лицо, и Симе на миг показалось, будто девушку опутала паутина, держит ее, душит, залепив и ноздри, и рот, и глаза — во внезапной слепоте тоже нехватка воздуха. Ангелина ловко собрала волосы обеими руками, обнажив свое удивительное лицо — смотреть бы часами.

— Действительно пора или просто я тебе надоела? Я могу уехать. Может, тебя подвезти?

— Не смешно.

— Я и не пыталась...

— Прощай. — Сима встала первой и сунула деньги под блюдце. — Я тебе зла не желаю, что бы ты про меня ни думала. Твой выбор, тебе с ним и жить. Но и видеть тебя больше не хочу. Это уже мой выбор.

— Ты не можешь запретить мне прийти на спектакль!

Сима рассмеялась, едва сдержав желание ударить ее:

— А тебе непременно нужно разбередить свои язвы до крайности? Мученица ты наша... Сиди себе лучше в своем дворце и выкладывай слово «вечность». Наш театр, если помнишь, называется «Версия», а в твоей жизни никаких версий быть не может.

— Не говори так!

— Разве я сказала что-то неожиданное?

Изо всех сил удерживая улыбку, Сима кивнула и быстро прошла между столиками к выходу. Ангелина могла и не смотреть ей вслед, но на всякий случай лучше было держать спину до первого поворота.

Забежав за угол, она привалилась к стене, даже не подумав, что может испачкаться. Ей было тяжело дышать.

* * *

Опять отдалось пульсацией в крови: «Так писем не ждут, так ждут письма...» Эта строчка цветаевская всплывала в памяти всякий раз, когда Наташа проверяла электронную почту. Что было у Марины дальше — она не помнила, и не пыталась найти стихи в сборнике, стоявшем на полке перед учебниками. Некоторые строки способны на отдельную жизнь.

«Здравствуйте, Ната! У вас нет новых писем», — бодро возвестил компьютер, и колотившаяся в груди